

Это было у нас...

МА 27/5 89

«Мемориал» получил любопытное письмо И. К. Морозова, который когда-то учился в Томском коммунально-строительном техникуме (Морозов И. К., Псковская обл., Глосский р-н, дер. Великуша). Вот отрывок, в котором речь идет как раз о Томске.

«...ЛЕТОМ 1956 года две группы пегезников должны были проходить строительную практику. Дали нам строить на пустыре возле Томской пересыльной тюрьмы, у самой стены закрытого для захоронений старинного (...) польского кладбища, здание то ли собственного техникума, то ли артиллерийско-зенитного училища. Начинать надо было с котлована. Расчетная глубина промерзания в Сибири — 2,5 метра, и следовательно, котлован должен быть глубиной в 3,9 метра. Рядом с нами работала бригада строителей. Они кувалдой разбивали на бутовый камень скульптуры и памятники польского кладбища и бетонировали фундамент 100-квартирного дома через улицу напротив.

Меня назначили бригадиром этого сводного отряда. Студенты (...) сделали

бой, копали, естественно, лопатами, а грунт катали наверх тачками. На пустыре рос могучий бурьян, и из бараков, где жили с семьями надзиратели тюрьмы, ежедневно на веревке приводила коровушку старушка. Однажды, когда я с прорабом Пятовым из подрядного управления закрывал наряды, меня позвали в котлован.

Студенты густой толпой окружили место в забое, где что-то раскопали двое, Тамара Крузова и Францев. Обвалилась тяжелая глиняная стена забоя, и (открылось) жуткое зрелище. Беспорядочно, вперемешку с узлами и чемоданами лежали не скелеты, а люди, но их тела были не из мяса, а из чего-то похожего на воск или мыло. Со многими стало плохо.

Часа через два на двух «Победах» приехали какие-то руководители. Наши

доброхоты на совковой лопате подали голову в зимней шапке с истлевшим верхом. На лице черепа сохранились ткани, из головы текло... С краю лежал чемодан, сооруженный, видимо, каким-то сельским умельцем. Чемодан из досок, хорошо выструганный, соединенный «в шип», отлакированный черным лаком и с какой-то комодной ручкой.

Меня попросили открыть чемодан. Несмотря на нарядный лак, чемодан подгнил и легко развалился. В нем — беспорядочно скорманное белье, швейотовый черный костюм, несколько книжечек стихов, одна из них — «Москва кабацкая», фотографии и две полных, запечатанных коричневым сургучом бутылки довоенной «Московской особой» водки. (...) Все стали удивляться, что за могила? А старушка с коровушкой на веревке сказала: «Э, милые! Да тут весь Каштан на костях стоит». На одной из фотографий были двое, С. Есенин и мужичок в шляпе. Книжки и фотографии начальство забрало с собой.

На следующее утро мы к работе не приступали. Нам разрешили несколько дней отсутствовать, а я остался, чтобы закончить с прорабом наряды. Снова пришла старушка с буренкой и рассказала, что она вдова надзирателя еще с царского времени, а могил таких еще много. Когда в 37-м году арестованных со всей Западной Сибири свозили в Томск, то в самой тюрьме места не было. Люди с вещами ждали ночи во дворе. А тем временем уголовники на пустыре копали ямы. Ночью арестованных без суда и следствия по пять человек выводили на пустырь и из наганов выстрелами в голову убивали, сваливали в ямы вместе с вещами. Решение тройки НКВД выносилось после, по мере канцелярских возможностей.

Пока студенты вынужденно отдыхали, были наняты на временную работу люди (бравшиеся за любые хорошо оплачиваемые работы) и по цене 25 рублей за кубометр покойников ночами их куда-то вывозили.

Далее автор высказывает предположение, которое проверить практически невозможно: что в этой могиле был похоронен Н. Клюев («человек в шляпе» с фотографии).

Публикуя это письмо, хочется отметить, что невозможно сейчас проверить все факты, приведенные в письме. Возможны какие-то разночтения, ведь прошло уже много лет. Поэтому обращаемся к тем, кто имеет хоть какую-либо информацию о массовых расстрелах конца 30-х годов, — не молчите. О местах захоронений жертв репрессий просим сообщить в историческую секцию совета «Мемориал» по адресу: 634010, Томск, государственный университет, деканат исторического факультета.